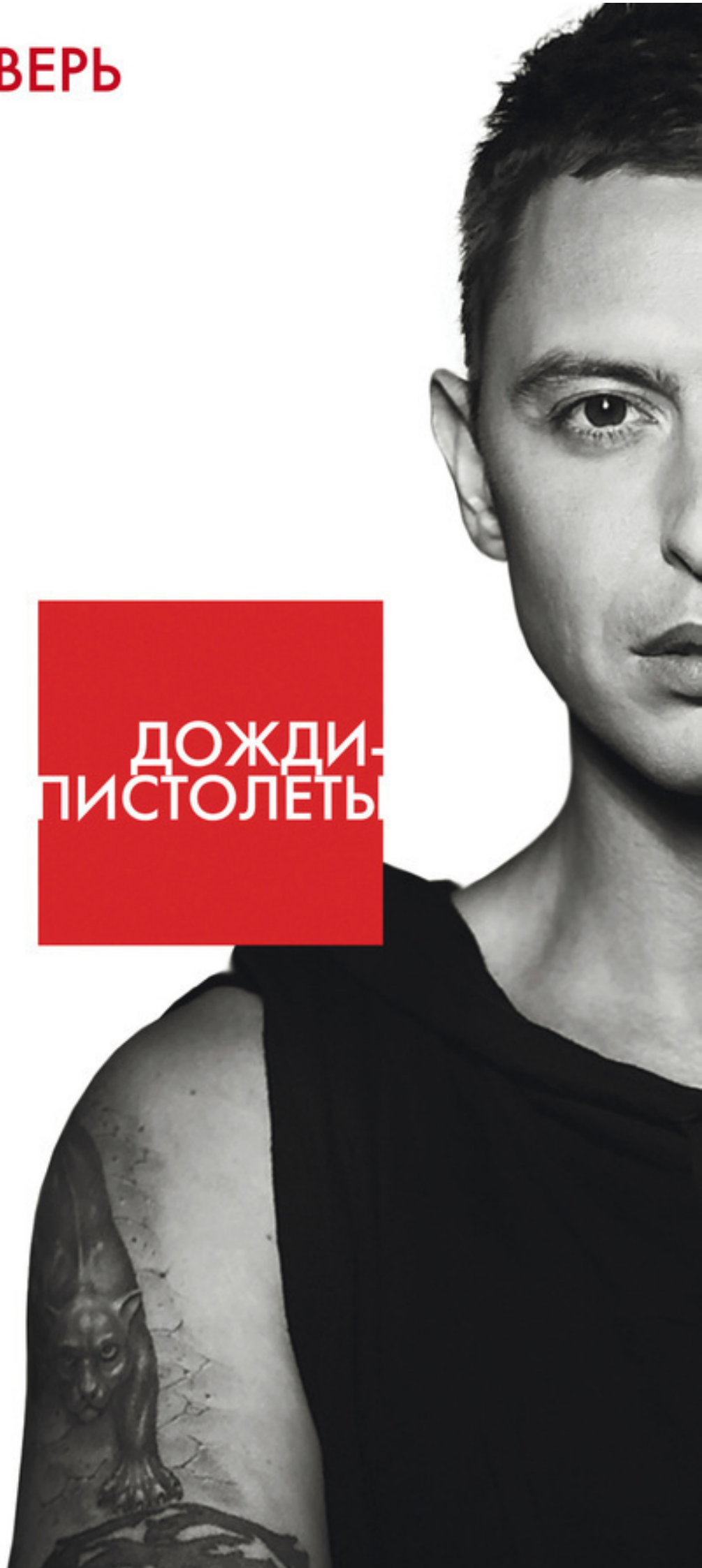

РОМА ЗВЕРЬ

ДОЖДИ-
ПИСТОЛЕТЫ

Рома Зверь

Дожди-пистолеты

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-94 ББК

Зверь Р.

Дожди-пистолеты / Р. Зверь — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-99498-4

В самый разгар своей популярности Рома Зверь рассказал о том, что было с ним до группы «Звери», в своей книге «Дожди-пистолеты». Откровенный роман о начале пути музыканта моментально стал бестселлером. «Дожди-пистолеты» – это история о провинциальной жизни, о дружбе и предательстве, о формировании характера артиста и о любви. Записанные когда-то на диктофон рассказы Ромы перенесли на бумагу, и они произвели настоящий фурор среди его поклонников, которые хотели знать о своем кумире все. А он – кумир – не постеснялся и как есть рассказал местами драматическую историю того, как он покорял столицу. Спустя десять лет Рома Зверь снова включил диктофон, чтобы рассказать историю успеха группы «Звери», об этом вторая книга «Солнце за нас».

УДК 821.161.1-94 ББК

ISBN 978-5-699-99498-4

© Зверь Р., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Леха	5
Амазонки	9
Рыбалка	13
Драки	18
Настя	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рома Зверь

Дожди-пистолеты

Леха

Раньше было модно – обмен квартир. Мама моя увлекалась. Наверное, ей было прикольно переезжать из города в город, вот она все время и обменивалась. До сих пор не знаю – зачем, это надо у нее спросить.

Родился я в Таганроге, потом мы переехали в Дружковку, в Донецк, затем в Мариуполь, где прожили шесть лет. Там я окончил школу и проучился год в строительном. В Мариуполе у меня остался лучший друг Леха Макаров.

И в конце концов вернулись в Таганрог. Такой круг получился. Мне было пятнадцать лет. Мы возвращались из Мариуполя в Таганрог втроем: мама, младший брат Паша и я. А еще у меня есть старший брат, мы все трое – от разных отцов, представляешь? У меня были не очень хорошие отношения с отцом младшего брата. Я его не любил, с ним не общался. Да и когда мы вернулись в Таганрог, мама с ним разошлась. А старший брат Эдик, когда еще учился на тракториста-комбайнера, поехал на практику в колхоз под Мариуполем, там женился и остался.

Мы ехали на автобусе. Ничего я себе такого не думал в тот момент. Думал: вот приедем, я увижу друзей своих старых и буду с ними каждый день. А что думать-то? Может, я, конечно, что и думал, да не помню. Я ехал туда уже по привычке, потому что периодически приезжал в Таганрог к своим старым друзьям.

Я помню, что сразу пошел к Роме Иваненко, моему старому другу, с которым мы еще в детский сад вместе ходили. А кличка у него была Иван.

– Я вернулся в Таганрог, все дела.

– Ну, клево!

Он с приятелями к тому моменту начал музыкой увлекаться. Я тоже на гитаре научился играть: где-то за год до возвращения мама в Мариуполе гитару купила. До этого у меня была какая-то убогая гитара, на которой нельзя было даже нажать струны, потому что они очень далеко от грифа были расположены. Вот мама и купила мне большую гитару «Концертная» львовского производства. Купила в магазине «Орбита», который находился рядом с моим домом на проспекте Metallургов.

– Чем занимаетесь?

– Да вот, – говорит, – на гитарах бренчим.

– А я тоже умею. Типа бренчу.

– Круто! Мы тут группу создаем, будешь бас-гитаристом?

– Буду.

На самом деле мы еще с Лехой в Мариуполе всю игрули. Собирались ребята с его поселка, и мы играли разные песни. Дворовые, про Афган, Цоя. Все подряд. Это было достаточно жизненным и героическим. Ходили в пивбар, брали по четыре литровых баллона разливного пива, бухали в посадочке придорожной. Играли на двух гитарах. Вино, пиво, девушки, пацаны – и мы с Лехой, в центре внимания, с двумя гитарами. Сидим, разные песни поем, здорово.

Леха? Я в Мариуполе год в строительном отучился, и к нам пришел новичок, который приехал с Урала, из города Красноуральск. Звали его Алексей. Это и был тот самый Леха. Так как-то получилось, что он сел со мной за парту. И мы подружились. Сначала я его в гости пригласил. Потом он меня. Это восьмой класс – по-старому, по-новому – девятый.

Как учились на гитаре играть... Да как все! Просто собирались. Один парень знал аккорды, показал. Я, правда, ходил в Мариуполе во Дворец металлургов на уроки к преподавателю. Но там надо было по нотам. Мне это было неинтересно – всякую хрень играть, там Баха или Скарлатти. Поэтому я выучил аппликатуру, то есть аккорды как ставить. По аккордам было интересно подбирать, как из чего песня строится. Последовательность аккордов, как для этого палцы надо переставлять, чтобы получалось. Перебор, бой. Вот так и учились, показывали друг другу. Если не знал какого-то аккорда, можно было спросить у кого-нибудь, как брать, как зажимать струны. А потом дома репетировать этот аккорд, пока не выйдет. Я все время дома сидел с гитарой. Я практически спал с ней, даже в туалет ходил. Зашел в туалет, сел. Гриф наверх, иначе она не помещалась. И так круто в туалете было играть! Там же эхо: у-у-у-у, гудела гитара. Здорово, как на концерте! Прямо как электрогитара! А Леха играл на трубе – он учился в музыкальной школе еще в Красно- уральске...

Леха жил очень далеко, на окраине города в поселке Горький. На трамвае нужно было минут пятьдесят ехать. И потом еще пешочком минут пятнадцать-двадцать. Это было очень далеко для города Мариуполя, который совсем не такой большой, как Москва. А я жил в районе проспекта Металлургов, около автовокзала. Там обитало несколько хулиганских авторитетов, не очень сильно криминальных, а таких... на уровне района. И поэтому меня не трогали, я, конечно же, знал, что нужно назвать несколько фамилий, кличек, чтобы от меня отстали. Такие вот были отношения.

После школы – либо к Лехе, либо ко мне. Чаще всего ко мне, до меня же было ближе: на трамвае «тройке» двадцать минут и от остановки до моего дома минут десять. И вот мы приезжали ко мне. У меня был магнитофон, тогда только-только появились такие модернизированные, под названием «Весна». Большой стоячий кассетник со встроенным микрофоном. И мы с Лехой пели песни под гитару и записывали.

Когда уезжала моя мама, мы оттягивались. Как у всех молодых людей случается праздник, когда родителей нет дома. Квартира свободна, можно делать все что хочешь – взрослая жизнь! А мама очень часто уезжала. Она пыталась заниматься коммерцией. В Санкт-Петербурге почему-то не было грецких орехов. Поэтому мама покупала грецкие орехи, приезжала в Санкт-Петербург и там продавала. Они там нереально дорого стоили. Она часто уезжала с Пашей, и я оставался один.

Мы с Лехой брали выпить. Была такая водка в Мариуполе – «Гайдамацька». От слова «гайдамаки». Это казаки такие. Водка была разлита в бутылки, которые называли «Чебурашками». Не водочные, а лимонадные. Да мы выпивали-то чуть больше половинки, а остальное выливали наутро в раковину, потому как больше не могли. Мы не просто так бухали, мы жарили картошку, рюмочки ставили, сервировали журнальный столик и сидели – культурно выпивали.

И каждый раз мы записывали на магнитофон наши посиделки, как мы выпиваем, чокаемся, поем. Мы воображали, что у нас на этой вечеринке есть девушки. У меня была кошка Рита. И мы орали: «Эй, Ритка! Куда пошла? Иди сюда, что за дела?» Орали, хохотали, подзывали несуществующих девочек – в общем, взрослая жизнь! А потом слушали запись и смеялись над собой же.

И, конечно, записывали, как на гитарах играли. Это было очень кайфово, потому что из двух гитар получается музыка. Ритм-гитара играла гармонию, аккорды. А вторая – мелодию. И вместе было очень прикольно слушать.

Играли, пели песни, все те же – дворовые, Цоя, Розенбаума. Напивались и пели. Пару раз соседи приходили ругаться, но мы просто замолкали и минут 10–15 на цыпочках ходили, чтобы не спалиться.

И курили в форточку сигареты «Морэ». Такие длинные черные, в зеленой пачке, только-только тогда появились. Ага, ментоловые. Да не было тогда никакой разницы – мужские или

женские, курили все подряд. Круто! А еще мы с ним ходили под окна и собирали бычки от «Космоса», когда не было денег. Мы тогда только курить начинали. Покурим бычков больших – уау! Штырит! Голова кружится!

А Леха, он в то время начал знакомиться с Юлей, с которой они впоследствии и поженились. Ну а я ни с кем особо не встречался. В доме напротив моей двенадцатизатяжки жили две сестрички. У нас был двор... Как в Питере – колодец называется, да? В этом колодце была девятиэтажка, в четвертом подъезде жили они. И мы со старшим братом Эдиком на пару за ними ухаживали. Потом он уехал на практику в колхоз, женился и остался там жить... А тогда мы ухаживали за этими сестрами: Эдик – за старшей Светой, а я – за младшей Инной. Она была очень красивая.

Помню, я и Леха за компанию воровали для них розы. Наш проспект Metallургов – две полосы движения, а посередине – аллея с розами. Немало мы с ним этих роз поотрезали! У меня тогда были такие коричневые штаны – «бананы», в которых было много карманов. Пошиты они были из какой-то болоньи, очень жесткой ткани. Там внизу был кармашек длинный, куда очень красиво помещался ножик. Перочинный, выкидуха. Такой – тыдыщщщщ – нажимаешь на кнопочку, и вылетает лезвие. Настоящая финка. Ночью мы выходили на ту аллею. Мимо изредка проезжали «бобики» милицейские, потому что время (93–94-е гг.) было беспокойное – улица на улицу, район на район. И каждый раз, когда «бобик» проезжал по проспекту, мы прятались в кусты с розами. Обкалывались этими розами, все в царапинах были. И вот мы резали розы, потом заходили к сестричкам на пятый этаж и клали розы под дверь. Огромную охапку. Нереальное количество роз, сколько могли унести в руках. Клали цветы и уходили... Конечно, догадывались. Ну а кто еще? Были симпатии, записки всякие. Это же видно, когда говорят какие-то фразы короткие друг другу. Потому что, когда говоришь «привет», можно сказать «привет», а можно «привет». Да? И сразу понятно, что человек к тебе неравнодушен.

А Леха еще до моего отъезда стал ухаживать за Юлей, которая жила в поселке Горький. Мы вдвоем ходили в гости к ней. И я стал своим у них в районе. Как-то мы выпили у меня на Metallургов. Не то праздник был, не то день рождения у кого-то. А! Мы стипендию получили. Потом взяли шампанского, как джентльмены, и поехали к Юле. У Юли была подружка. Женька звали ее. И чего-то мы вчетвером тусили.

А потом мы с Лехой легли на рельсы. Там проходило железнодорожное полотно. Metallургический завод недалеко от этого поселка был. Ходили составы, возили руду, хрень всякую... И мы лежали на рельсах, девки визжали: «Дураки! Вставайте немедленно! У нас сейчас разрыв сердца будет!!!»

А мы лежали на рельсах и бухали шампанское. Нам это нравилось, что за нас переживают. А мы герои такие. Мы были абсолютно счастливы... ну, мы сами, конечно, вставали. Но нам хотелось, чтобы нас подняли. Потому что мы не боимся ничего. Мы смелые ребята...

Вот так мы с Лехой дружили, окончили девять классов средней школы. Потом я поступил в строительное училище там же, в Мариуполе, где отучился первый курс. А Леха пошел учиться в музыкальное училище по классу трубы. Но даже когда мы поступили в разные училища, мы по-прежнему дружили. Мы все равно встречались, выпивали, играли на гитарах, приезжали к нему в район, там пацаны были. Он мне рассказывал какие-то истории, как они там дрались. Поселок на поселок.

В Мариуполе мы тогда с ним не замутили группу. Во-первых, не с кем было. Он чего-то предлагал, у него же в музучилище много было знакомых. Но нам не до этого было. Мы просто песни играли. Даже это еще тогда плохо получалось. Гуляли, пили, учились. Мы к тому моменту еще не осмыслили, что можно группу делать. Тут хотя бы чтобы две гитары вместе звучали, а уж группу... Да и сочинять я не пробовал тогда.

И вот мы уехали в Таганрог, Леха очень обижался на меня. Ради того, чтобы учиться со мной в одном училище, он, профессиональный трубач, перевелся из музыкального в строительное! «Я к тебе перешел, чтоб с тобой учиться. А ты уехал!» Но дружить мы так и не перестали. Никогда.

Амазонки

Дали мне гитару. Мол, покажи, как ты умеешь. Стали петь песни. Не помню какие, честно тебе скажу. Дворовые, какие же еще? Они посмотрели, послушали. Говорят, нечего тебе на басу играть, будешь на гитаре! А Иван в конечном итоге стал играть на бас-гитаре. Вот так началось наше творчество...

В доме, где жил Иван, по Итальянскому переулку, был чердак. Там мы и сделали место для репетиций. Была какая-то стойка с тарелкой, барабан. Две акустические гитары – такие старые! В этой берлоге мы и сидели, репетировали, пили пиво. Тусили...

Мы репетировали больше для себя. Песен у нас своих не было, нам интересно было понять, как это все делается. Мы брали какие-то известные песни, начиная с «Кино», заканчивая «Алисой», и пытались воспроизвести: кто соло выучит, кто ритм подберет. Вот так и учились играть.

Учеба в училище – параллельная жизнь «чердачному» творчеству. Ты представляешь себе, что такое училище? Нет? В Мариуполе я поступил на первый курс строительного ПТУ. Специальность – отделочник-строитель или плиточник-отделочник, что-то типа того. В Таганроге перевелся в местное училище аналогичного профиля. Мы пришли с мамой, сдали документы в ПТУ № 23, куда меня и приняли на второй курс.

Первое сентября. Я опоздал на торжественную линейку, на все эти праздничные дела. Прихожу в училище, занятия уже начались. Мне сказали, что я буду учиться в третьей группе. Стучусь в кабинет, открываю дверь, спрашиваю преподавателя: «Это третья группа?» Мне женщина отвечает: «Да, третья». Я смотрю на людей в аудитории и не вижу ни одного мальчика. Я растерялся. Закрыл дверь. Стою, думаю, вот глупость-то какая! Подошел к вахтеру, спрашиваю: «Это пятнадцатый кабинет?» – «Пятнадцатый». Снова стучу, захожу: «Третья группа?» – «Да, третья». И уже, знаешь, все на меня с любопытством поглядывают, говорят: «Ты новенький, да?» «Да», – говорю и опять закрываю дверь. Я ничего не понимаю, я вижу в аудитории одних девушек!

Причем в группе мариупольского училища, где я учился, были одни пацаны, и специальность наша называлась «плиточник-отделочник». А это что такое?! Как выяснилось потом, в Таганроге это называлось «плиточник-отделочник широкого профиля»: и маляр, и штукатур. То есть подразумевалась и отделка, и поклейка обоев. И оказалось, что по этой специальности в Таганрожском училище учатся одни девушки!

Третий раз, когда я хлопнул дверью... Стою и думаю, что теперь делать. И вдруг дверь открывается, выбегает весь этот класс, вся группа девок, и затаскивает меня в аудиторию. Они кричат: «Ты к нам, ты к нам!» Я такой: «Извините, я ничего не знаю...» – «Да, к нам, к нам!» Преподаватель пытается их успокоить. А они его просто посылают: «Да иди ты! Мы щас сами во всем разберемся!» Я такой: «Да я в третью группу...» – «Это к нам! Круто, садись! Ты откуда попал?»

Я сажусь за парту. Сажу и ничего не могу понять – почему одни девушки?! Я в принципе потом смирился. Правда, еще неделю не понимал, как я буду ходить по училищу. Как на меня будут смотреть пацаны? Мне это сначала не то что не понравилось, я просто был шокирован. Я-то учился среди парней, а тут одни девушки! Полная глупость, правда? Как такое может быть?

Я стеснялся всего: то, что я один среди девушек, что все училище практически смеется надо мной. Там учились, допустим, на сварщиков – на такие мужские профессии. А я же не могу им всем объяснить, что в Мариуполе со мной только пацаны учились. Как я это всему училищу мог объяснить? Никак. У меня была тридцать одна девушка в группе. А я один...

Когда они стали недели через две-три при мне на переменах рассказывать разные женские штуки, что с ними происходит, я сначала не знал, куда деться. Они просто меня не заме-

чали, стали ко мне относиться не как к мужчине, а как к одному из этого большого женского коллектива. Меня это шокировало. Не то что мне было обидно. Я все время очень удивлялся. Как они могут при мне говорить разные вещи? О месячных, например, как это все у них происходит. Об их пацанах, кто как с кем. Да какие там советы спрашивали! Они ведь поначалу меня практически не замечали. Они между собой общались, а меня не брали в расчет. Не то чтобы они меня игнорировали, нет. Но они не относились ко мне как к мужчине. Просто член коллектива, и как бы не девочка, но из-за этого они не стеснялись при мне говорить о своих женских проблемах и тайнах.

Это потом уже, через год учебы, я ходил по коридорам училища, вокруг меня все время было человек десять девушек из моей группы. И я уже был буквально как принц какой-нибудь или султан турецкий. Сначала все смеялись, что я учусь среди одних девчонок, а потом все начали мне завидовать. Я шел в столовую – а вокруг одни девки!

Попробую тебе их описать. Они были разные. Как в любом коллективе, были боевые. Очень боевых было штук пять, таких оторв. Они курили, пили, с пацанами тусили, в драках участвовали. Боевые были детдомовские девушки. Другие были такие, как сейчас называют, немного гламурные. Такие фифы из достаточно состоятельных семей. Они все время были очень сильно накрашены. Туши-помады. Какие-то юбочки, кофточки. Все время какие-то шмоточки, лаки для ногтей. В общем, типа ухоженные. Были еще совсем обычные девушки, как это и бывает. Такие незаметные серые мышки. И еще было несколько таких, которые переходили из одной тусовки в другую. Ни то ни се. Вот такой у нас был состав разношерстный.

Через год я уже ко всему этому привык. Так что они потом начали делиться со мной. Я стал для них какой-то подружкой в мужском обличье, мы дружили. С их стороны возникали какие-то там симпатии ко мне. Но дело в том, что, когда их тридцать, какой-то особой конкуренции быть не могло. Потому что для них для всех я был Рома. И если одна пыталась как-то заигрывать со мной, пыталась завязать серьезные отношения, то в коллективе это сразу пресекалось. Они не заигрывали. Да, они целовались со мной. Но так чтобы я был для кого-то отдельно кем-то, такого не было. У нас был коллектив. Может, кто-то что-то и хотел, но я этого не видел. Это была подростковая дружба. Где все было можно. Где по дружбе можно было и полапаться, и заниматься сексом. Да, по дружбе. По дружбе! По-другому и быть не могло. Потому что коллектив был достаточно мужской, как ни странно. Это были амазонки. У меня больше такого опыта не было в жизни никогда.

Они были настоящей стаей из шестнадцатилетних девчонок. Очень безумная стая. Их боялись. И меня никто не мог обидеть. Там было много очень красивых девушек, и если какие-то ребята из училища пытались как-то пошутить или еще чего, да? Эти девушки могли без проблем расцарапать лицо. У них парни – таганрожские дворовые авторитеты. То есть когда их пять человек и один парень начинал возмущаться по какому-то поводу, они его запросто могли порвать. И за это им ничего бы не было.

На 23 февраля все они дарили мне подарки, точнее, один общий делали. Брали бухла, мы шли во двор и отмечали все это дело. Наступало 8 Марта, и они опять мне дарили подарок, брали бухла и опять же во двор. Ведь я же один у них. И они прекрасно понимали, что я не мог дарить подарки каждой из тридцати одной. Поэтому подарок дарили мне. Ну что дарили... одеколон какой-нибудь, открытку. Блок дорогих сигарет. Я помню, они в кафе отмечали 8 Марта, и я вместе с ними. Открыток не помню, но чего они мне там писали...

Потом наступила практика, и мы месяца на два-три поехали строить, отделять какой-то объект. Мы жили в вагончиках для строителей. В вагончике были кухонька, раздевалка и, как в купе поезда, четыре лежачих места. Я переодевался с ними, они при мне раздевались. Я при них, они при мне. Нет, меня, конечно, возбуждало это все. Но я уже не реагировал на них как на полуголых девушек, потому что это были мои подруги. Это были просто мои

боевые подружки, которые бухали со мной все подряд. Целовались по пьяни, потом говорили: «Э, Ромка, да все нормально!»

Мои амазонки знали, что я играю. Я брал с собой гитару на практику в эти вагончики и играл им. Потом она мне понадобилась на чердаке, и девчонки привезли мне другую. Для амазонок я играл разные дворовые песни. Они так слушали! Бывало, что и плакали. Они меня за это все время кормили, поили. То есть вкус к популярности, надо полагать, у меня тогда еще был воспитан!

Мне это очень нравилось: я играл песни про любовь, а девчонки плакали. Про любовь, про Афганистан, словом, обычные жизненные песни. Когда парень любит девушку, а она его, но у них есть какая-то проблема. Короче, про современных Ромео и Джульетту. Они все время просили меня петь. Я, конечно же, стеснялся. Будучи стеснительным молодым человеком, я не мог выпендриваться. Я не знал, как то, как это играть. Но все-таки пел. А стеснялся я от такого количества людей, которые меня слушают. Все время был мандраж. Каждая песня – мандраж. Но я все равно пел.

Иногда меня упрашивали, иногда сам играл. Но больше упрашивали. Потому что, когда просили сыграть одну и ту же песню на протяжении недели каждый день, мне уже не очень хотелось. А им очень нравилось, и они меня уговаривали.

На практике мы штукатурили девятиэтажный дом. Был обед, девчонки приносили самогон. После такого обеда штукатурилось очень плохо. Но я все равно вышел на красный диплом. Я неплохо учился. Мне дали повышенный четвертый разряд после училища, хотя максимум при выпуске дают третий. Всего их шесть. Шестой дают, когда человеку уже лет пятьдесят по выслуге лет. А мне по выходу из училища присвоили уже четвертый.

Я, вообще, пошел в строительный, потому что мне это нравилось. Пошел после девятого класса, не хотелось учиться одиннадцать лет – терять время. Я хотел окончить училище, после этого поступать в техникум или институт, учиться дальше. Так я получал и специальность, и среднее образование. Я подумал, что это будет разумнее – сначала в училище. Да, мне это нравилось: вот абсолютно голая стена, а потом она ровная, покрашенная. Мне нравилось мастерить, что-то делать, преображать. Я и сейчас в Таганроге вижу дома, где я что-то делал. Их, конечно, не так много. Обычные жилые дома, в них живут обыкновенные люди. Районы, кварталы.

Вот так я доучился до выпуска. И уже к тому моменту у нас образовалась группа. Мы нашли барабанщика. У нас был гитарист, я был второй гитарист, мы нашли девушку-клавишницу. Ее звали Оля. Мы играли в основном какие-то известные песни, начинали свои играть. Сначала писал Леша Черный, потом песни начал писать я. В конце концов Леша Черный ушел из группы, у него какие-то дела были непонятные, все взрослели потихоньку. И в какой-то момент я стал руководителем этого ансамбля, который носил название «Асимметрия», потому как в нем играли Леша Черный и Рома Белый, то есть я, Рома Билык по кличке Белый. После того как Леша Черный ушел, состав был такой: Иван на басу, я, барабанщик Зыка Сергей и клавишница Оля.

Появилась Оля вот как. Мы все искали кого-то, кто умеет играть на фоно. И вот мама выяснила, что у ее подружки есть дочка, которая учится в музыкальной школе. Мы ее нашли, она тоже в центре жила. Пришли, послушали. Сказали: «Хочешь в группе играть?» Она такая: «В группе?» Не фифой была, но очень спокойная. Мы говорим: «Давай, давай! В группе на синтезаторе – это ведь круто!» На «ионике», как тогда называли. Как у Чижы – «и конечно, ионика».

Я пытался с ней роман завести, однажды целовались на море. Я даже песню после этого написал. Романтическую. Про море, про корабли, которые ждут какое-то наше тепло... Уж такие я песни писал. Но что-то у нас ничего не получилось, я не стал ничего предпринимать, мы остались друзьями. Она все время была немного не здесь, не понимала, что происходит.

Все время в себе, очень вялая. Не капризная, нет, а просто очень спокойная. И в конце концов она покинула коллектив. А потом вообще стала реже с нами встречаться. Да она даже не тусовалась!

Так что личной жизни как раз особо-то и не было. Потому что все мои девочки и были этот амазонский коллектив. Я не выделял из них никого. Было просто какое-то количество девушек, с которыми я общался. Либо детдомовские девочки-хулиганки, либо эти фифы. Но они тоже дружили с хулиганками, и это была одна большая компания. Каста. Интересно было и с теми, и с другими. Но с фифами все-таки больше, потому что они были не то что более женственны, они умели еще и заигрывать. Какие-то нежности разные оказывать. Те были заняты больше своей жизнью, которая у них была тяжела. А эти – освобожденные от таких проблем. Детдомовские жили в общежитии при училище, а фифы домашние, но тоже девчонки не промах!

Потом у меня появилась девушка с этого двора на Итальянском, где был чердак. Звали ее Юля. Спустя несколько месяцев, как я вернулся в Таганрог, мы отмечали мое шестнадцатилетие на ПМК. Какая-то там Передвижная механизированная колонна, сокращенно – ПМК. Нет, это был не промышленный район, обыкновенный спальный, на выезде из города. Пятиэтажка. Окна мои выходили уже в поля. Мой дом встречает тебя первым на въезде в Таганрог со стороны Ростова. Мы переехали туда, не знаю зачем, это надо у мамы спросить. Это был другой уже дом, мой старый таганрожский двор из детства остался в центре.

Я пригласил друзей, своих старых таганрожских приятелей. Народу было – человек десять. Конечно же, приехал Леха из Мариуполя. Иван, все его знакомые, с которыми я уже поневоле подружился. Все они тусовали вместе, и я как бы к этой компании присоединился. И была как раз с этого двора на Итальянском девушка Юля.

Шестнадцать лет. Мама куда-то уехала, чтобы сын нормально отпраздновал. У нас была целая ночь. Мне, как это бывает, надарили какие-то подарки ненужные, непонятные вещи. Например, набор стаканов каких-то. Ну на фиг, а? Единственный подарок, что мне запомнился, это был блок сигарет «Магна». Красная пачка такая. И мы всю ночь курили эти сигареты на балконе, после чего я эту «Магну» в жизни своей больше никогда не курил. И вот я пытался к этой Юле как бы приставать. У нас была однокомнатная квартира, и был такой закуток, туда вешалась занавеска и получалась еще маленькая комнатка. Там, на кровати, я пытался заигрывать с этой Юлей. Я пытался чего-то там пощупать, поцеловаться... Ну как-то так, по-обычному.

А с Юлей ничего не получилось. У нас с ней практически только ссоры и были. Ну, знаешь, как это бывает. Ты встречаешься с человеком, и все время какие-то претензии, ссоры, обиды. Я сейчас понимаю, что достаточно бессмысленные. Я куда-то не пришел, она куда-то не пришла. Кто-то чего-то сказал, я, она. Такое все – мелочи сплошные. И в конце концов мы разошлись. Ссоры не было серьезной, просто мы потом не здоровались. Скажем так, до этого мы целовались, а после этого нет. В этом вся разница. Но все равно тогда это был некий статус: ты встречался с девушкой.

Рыбалка

Когда мы начали играть на чердаке, это была просто самодеятельность. Мы тусили в своей компании и брэнчали для собственного удовольствия. А когда стали более профессионально заниматься, нашли репетиционную базу. Таганрог-то небольшой город, и в принципе все музыканты друг друга знали. А мы еще тогда мало кого знали, но нам посоветовали: типа там есть барабаны и репетируют группы разные. Мы туда обратились. Это была база «Радуга» в районе, который называется Свобода. Там еще комбайновый завод рядом.

База – слишком громко сказано. На самом деле это был какой-то детский центр, клуб. И все это дело называлось «Радуга». Там была комната, где играли разные ВИА. Стояли живые барабаны, «Амати» какие-нибудь. Даже синтезатор был. Еще электрогитара, колонки. Все как у взрослых. И мы там начали репетировать. Тогда это было, скорее, увлечение, мы не думали, конечно, что будем какой-то там супергруппой. Даже не мечтали, чтобы нас все-все знали. Мы просто хотели играть и чтобы у нас были какие-то свои слушатели.

Амазонки? Да нет, они не в курсах были, потому что их это не интересовало. Там была жизнь абсолютно другая. Отдельная от всего. Так что и скрывать-то не имело смысла, они никогда не интересовались, а я им никогда не рассказывал. Мне же было совершенно по барабану, кем были их парни. Это были достаточно невинные отношения. Поцелуи, массаж – просто по-дружески. Бухануть вместе, на гитаре для них побрэнчать. Пикники какие-то за городом.

А моя компания была другая. Костяк такой: Иван со своей девушкой Наташей – они всегда были вместе, в конце концов и поженились. Я и еще два-три чувака. Вовчик – белобрысый наш живчик. Баран, он же Рома Стадников. Барана мы любили за то, что у него была машина. Точнее, у его папы. Папа был автослесарем, и полгорода к нему ездило ремонтировать машины, в основном иномарки. Хороший был мастер. А Баран ему помогал, поэтому папа время от времени давал ему свою «копейку». Если, допустим, нам надо было куда-то съездить, на пруд. Мы говорили: «Баран, давай!» А он такой: «Ну-у-у... я не знаю». И деньги у него все время были. Мы его все время на деньги разводили, на бухло. Никогда, конечно, не возвращали. Но он добрый очень был. Плюс еще вот эта Оля, клавишница, которая раньше всех ушла из коллектива. Кроме этих людей, в компанию постоянно вливались или покидали ее разные люди.

И все происходило так. У меня периодически появлялась какая-то девушка, я ее приводил к ним, они все сдруживались. Позднее я с ней ссорился, расставался, а она все равно оставалась в компании сама по себе. Я очень злился: «Что ты ходишь к моим друзьям?» – «А это теперь не только твои, но и мои друзья!» Некоторые девушки оставались, потом приходили уже с другими парнями. Я знакомился с ними, ни у кого претензий не было. Вот так вокруг нашей компании появлялись ребята и девушки, бывшие, не бывшие. Но мы, честно говоря, не многих пускали. Особенно ребят – третьи руки уже получалось. Ладно, девушка еще... тем более девушки в компании с девушками дружат. Мальчиков в компании они не делили. Мы этой компанией всегда обсуждали девок, которых я приводил. Ну, как обсуждали... «Да она у тебя большая какая-то!» – «Я знаю». – «Ну, она выдала, конечно!» – «Ну да...» – «Слушай, а эта у тебя клеевая». – «Да, точно кле-евая!»

После училища свободное время я проводил с Иваном. У него я дневал и ночевал. Мы каждый вечер в беседке у него собирались. Терли, в карты играли, музыку слушали. Семечки, анекдоты разные свежие, они ведь не отличаются в мире. Во всех городах одинаковые. Я и сейчас-то не помню новых, они тоже как семечки – смеешься и забываешь.

Как-то 8 Марта мы переоделись с друзьями в женщин. Компания подобралась большая: я, Иван с Наташей, Вовчик, еще какая-то девушка. И мы все вместе отмечали праздник у меня дома на ПМК. Решили, уж если веселиться, так веселиться. Короче, мы с Иваном переоделись в женское. Нас девочки нарядили, накрасили густо, нашли какой-то парик.

И нам захотелось, чтобы кто-то это увидел. Мы все ржем, нам прикольно, а поделиться не с кем. И мы решили выйти в таком виде из подъезда на улицу. Но я сразу одумался и решил – лучше этого не делать, потому что могут не понять и просто дать в лоб. Когда мы спустились уже к третьему этажу, я говорю: «Не, ребята, пошли назад!» А у меня ж каблуки... красавец! Мы поднимаемся по лестнице обратно на пятый этаж, домой. И тут как раз выходит мой сосед покурить. 8 Марта, он подпитый. «Ой, девочки, а вы к кому такие красивые идете?» А я: «Да мы к Роме идем, знаете такого?» – «Ой, какие девчонки! Повезло пацану!» В общем, он так и не понял, что я и есть его сосед Рома. Мы заспешили в квартиру, там кто-то оставался из наших. Мы постучались – типа четыре девушки. Он уже начал ухаживать за нами, так что мы быстренько позвонили в дверь, забежали. Долго ржали. Вот так сосед в меня влюбился слегонца...

Мы старой закалки были, поэтому наркоманов среди нас не было. Портвейн-то лучше! С водкой. Традиция такая... Наркотики мы не употребляли. У нас везде росла конопля: что у Ивана рядом с домом, что у меня в конце двора рядом с туалетом. Такими кустами. Но она была нам неинтересна. Мы как южные жители знали, что такое «дичка», что такое «культура». Типа это дичка. Даже по цвету некоторые пацаны определяли: это дикарь, не прет. Но мы ее не пробовали практически. Так, пару раз нарвали, засушили. Но не пошло. Решили больше ее не трогать. Сейчас на том месте гаражи поставили, но она все равно по краям растет. Неистребима! Даже возле первого отделения милиции в городе на газоне росла конопля. Самогон был популярным напитком, а как же! Потому что водка продавалась не всегда и не везде. Или практически не продавалась в то время. Было вино. Вино мы тоже постоянно пили. А самогон можно было купить в любое время дня и ночи у бабулек, которые гнали и торговали.

Помню, отмечали шестнадцатилетие Ивана, и мы забухались, напились наливкой, я три дня не мог выползти из его дома. И его мама держала нас с порога за шкуру: в одной руке он, в другой – я. За шкварники. И мы блевали дуэтом. Потом я упал, говорю: «Ваня, я пойду домой!» Его мама говорит: «Куда ты пойдешь, ты видел себя в зеркало?!» А я рвался, когда они меня вдвоем держали: «Нет! Мне срочно надо домой! Меня ждет мама!» Ванина мама говорит: «Твоя мама тебя в таком виде не узнает!»... Очень хорошо я это запомнил, как она нас держит за шкирман, и мы такие вместе «Бээээээээ...» – два блюющих подростка.

С этим много историй связано... Как-то у Вовчика белобрысого старший брат уехал куда-то с женой. И мы завалились к нему. Иван где-то нашел чемодан денег – советских рублей. Разные купюры: рубль, трояк, пятерка, червонец, четвертной. Целый чемодан денег, которые кто-то не успел поменять в свое время, и эти деньги уже не ходили. И представь: мы всю ночь сидели за круглым столом и играли в преферанс на эти деньги. Мы разделили сначала между собой, а потом на них играли. Сидели, курили. И еще у Вовкиного брата были настойки, наливки всевозможнейшие: на вишне, на малине, на дыне, на разных фруктах. Короче, в водку или спирт забрасывают фрукты, и в десятилитровых баллонах все это дело настаивается. Мы сначала пили свое, потом оно закончилось. Где самогона взять, мы не знали, а ехать к известным точкам далече, да и не хотелось. И мы решили найти что-нибудь дома: мы облазили все шкафы, весь погреб, ничего не нашли. «Нет! – Вовчик говорит. – Точно где-то есть!» А там, в доме, был такой проход к ванной. Ванная была типа бассейна, вырыта и выложена плиткой. Там стоять можно было. В ванную вела дверь из коридора, мимо которой мы все время ходили. А рядом с дверью – такая кишка, где все эти баллоны с наливками и стояли! И кто-то кричит: «Нашел! Они под носом стояли!» И мы давай оттуда сливать понемножку.

В общем, мы всю ночь пили. Баран принес пневматический пистолет, из которого шариком стрелять можно. Мы ставили пустые бутылки и по ним стреляли под утро... Мы очень много выпили этой наливки, и Вова все время кричал: «Приедет брат, он меня убьет!» Мы же все выпили практически. А мы такие: «А давай туда воды подольем, он ничего и не заметит сразу!» – «Давай!»

Потом полезли в этот бассейн. А Иван очень любит баню. Там температура была высокая – аж пар шел от воды. Мы вдвоем залезли. Помню, на стене висел градусник большой. Иван говорит: «А давай его засунем в воду!» А в воде – 80 градусов! Я кричу: «Черт! Да мы шас тут сваримся!» А мы так все по чуть-чуть температуру прибавляли, прибавляли – потихонечку же не заметно. Вылезли мы, снова сели в преферанс играть, на бабло пачками. Очень кайфовая вечеринка была!

Таких было много в то время. Мы выезжали на море с шашлыками, с самогоном. Пели песни под гитару. Наташа любила, когда песни поют. Причем песни, которые она сама знает. Ну, допустим, «Так вперед за цыганской звездой кочевой...». И вот мы каждый вечер, когда у нас туса, как выпьем, поем одни и те же песни.

С закусью было все просто: все есть, все растет. Черешня, персики. Идешь по улице в частном секторе мимо домиков, а прямо на улице растут вишня, яблони, груши. Виноград лезет прямо из-за забора и свисает гроздьями. В каждом доме есть железные ворота, по которым сползает этот виноград. Идешь по улице, рвешь, ешь. Ты мог пройти улицам по трем, и у тебя в руках мог оказаться здоровенный пакет с фруктами. Даже останавливаться не надо. Абрикосы еще. Грецкие орехи, когда осень. Все есть – подножный корм.

А с неподножным были проблемы. У меня из параллельной группы в училище была девушка, танцовщица. Она танцевала какие-то бальные танцы... фифа, короче. Как-то была очередная самодеятельность в училище, мы вместе все там выступали, а потом пошли на пляж: Черный, Иван с Наташей, эта девушка сумасшедшая. Она забежала домой, взяла бутылку самогона литровую. А тогда появились все эти «сникерсы», «баунти». Мы купили на закусь батончик «натс». И на пляже этот литр самогона под один «натс» уничтожали. У нас осталось порядком самогона, мы закопали его в песок, потому что больше не могли уже пить, типа обязательно сюда вернемся еще раз. А у нас барабанщик появился, очень хороший парень – Игорь из Тбилиси. И он чего-то замечтался, выпивает и такой в раздумьях откусывает пол этого «натса», что-то рассказывая. И мы такие смотрим на него: «Игорь, что ты делаешь?! Мы там чуть ли не по пол-орешка оттуда достаем, а ты?!» – «Ой, извините, я задумался...»

Вообще, на море ходили нечасто. А море – это отстой. Лохи ходят на море. Ночью еще ладно, где-нибудь вдалеке от пляжа, с костерком, а так море – только для приезжих. Оно для местного жителя, живущего на море, ничто. Это всем известный факт. Потому как к хорошему привыкают, к тому, что у тебя всегда под боком. Поэтому море для меня было таким местом, где можно было разве что развести костерочек, неподалеку от пляжа, и вечером бухануть и, может быть, изредка покупаться. За все лето можно раз-два побывать на море. А что романтика? Романтика есть всегда. Понимаешь, когда романтика всегда, романтики нет. Ты к этому привыкаешь. К красоте. И ее не замечаешь. Романтика была абсолютно в другом: бухануть, уехать куда-нибудь, познакомиться с какой-нибудь девушкой, поцеловаться. Что-нибудь устроить. Найти денег. А еще замутить какой-нибудь концерт.

Или в Мариуполе, когда я к Лехе приезжал, мы ставили палатку у него во дворе, в саду. И в этой палатке пили. Нам было кайфово: костер разжигали, сосиски жарили. Его мама все время говорила: «Зайдите домой. Холодно!» А нам было классно.

За романтикой мы ездили. Куда? В Танаис, например. Между Ростовом и Таганрогом есть такое древнее поселение. Там сейчас деревня, а вообще-то там древние скифы жили. Чуть ли не амазонки. Реально. Там все время проводились раскопки. Туда немцы приезжали, итальянцы. Вся тусня. Летом всегда собираются барды, художники-хуежники. Все отрепье, которое не хочет работать, а хочет тусить. Ну, тогда это было круто. Мы ездили, знакомились с людьми, пили медовуху, дешевое вино. И были счастливы.

Или выезжали компанией с палатками на пруд. Море – не кайфово. Вот на рыбалку – это да. На нее не хватало времени. Постоянно был занят какими-то делами. И для полного кайфа с удочкой не хватало времени. Как обычно: то деньги надо было зарабатывать, то учеба. Музыка.

А рыбалка была очень редким событием. Идешь на выходных к морю на рыбзавод. С дочкой. Донка-то что такое, знаешь? Донка – это такой груз большой, леска и на ней крючка два-три. Ты раскручиваешь ее, забрасываешь. Без поплавка, без удилища. Она натянута, сидишь, смотришь, она дергается – клюет, и ты вытаскиваешь. Можно было наловить бычков. Бычки – это рыба такая. Наловишь десятка четыре-пять, пожаришь и кушаешь.

Мы любили ходить на рыбалку, но не часто у нас получалось. Однажды пошли. Иван, Леша Черный, я – Рома Белый, решили пойти на утренний клев. Я приготовил удочки, рюкзак с едой. Мы решили собраться с вечера, пойти к бабушке Леша Черного, которая жила у старого вокзала, переночевать и утром от нее уже на электричке поехать на рыбалку. Я собрался, говорю: «Мама, я поехал!» Пятое-десятое. А мама говорит: «Меня тоже сегодня не будет, так что бери обязательно ключи». «Хорошо», – говорю, а сам думаю: «Вот жалко-то! Квартира пустая, а я на рыбалку». Но я очень люблю рыбалку, поэтому не сильно расстроился. Я прихожу к Ивану: «Ну че, давай до Черного, а от него к бабушке». Мы собрались, еды какой-то набрали, шашлык: маринованное уже мясо, я сам приготовил все. И вот мы с большими рюкзаками с едой, с выпивкой пошли. С собой удочки, донки, червяки, приманки – все, что надо. Вещи какие-то старые, чтоб не жалко пачкать. А уже достаточно поздно, часов одиннадцать-двенадцать ночи. Приходим на старый вокзал, где живет его бабушка. А у бабушки, надо сказать, был волшебный подвальчик. Погреб. Там у нее стояло два ящика старой водки, еще в «Чебурашках». На этикетках было написано «Русская водка». И пробки не завинчивающиеся были, а из алюминия с таким козырьчком. Как-то она называется смешно, вроде «кепка». Старая водка, чуть ли не 80-го года, брежневская. Мы частенько оттуда тягали эту водку. Бабушка лазала туда за соленьями, а эти ящики стояли в углу – стратегический запас. Она-то не пила эту водку. И накануне мы были у нее, то ли помогали, то ли что, залезли в погреб и натырили этой водки. Леша стучится типа: «Ба, это мы!» – «Какие еще мы?! Ночь на дворе, идите, откуда пришли!» Он ее не предупредил, что мы придем. А может, обиделась, что водку из погреба утащили. Короче, мы стоим и понимаем, что бабушка нас не пустит. Реально не пустит. Ночевать негде.

На дворе ночь. Иван говорит: «Я домой не пойду! Что за глупость! Мы собрались, отпросились, а тут такой облом – прийти домой, лечь спать, и ничего не будет!» Ну и что делать? Стояли, что-то думали, что с этим делать, куда идти. И я говорю: «У меня свободная квартира. Пойдемте, поспим, а утром поедем на рыбалку». И мы такие радостные от старого вокзала пытаемся добраться до меня. Денег нет, троллейбусы не ходят, трамваи тоже. И мы идем пешком на край света, на ПМК. Идти достаточно долго, часа полтора-два, наверное. Мы идем по дороге, по улице Дзержинского. Такие радостные, нам прикольно. Мы в походе, в походе ко мне домой. Сейчас сядем, выпьем. По пути еще прикладываемся чуть-чуть. Так чтобы для настроения – тонус не терять. Останавливаемся периодически возле колонок, пьем воду – записываем водку. И вдруг кто-то из нас говорит: «Смотрите, троллейбус!» Мы видим какие-то огни. Номер, естественно, неизвестно какой, но мы-то знаем, что идти он может только в мою сторону.

Мы выбегаем на дорогу, орем: «Остановите, пожалуйста!!!» Он подъезжает ближе, и мы видим большой «ЗИЛ» с кузовом. А на табличке, которая нам светила из темноты, написано: «милиция». Это оказалась большая милицмейская машина, на которой в кузовку отвозят. Милиция, прикинь! Мы – в кусты. Все разбежались в разные стороны. Я никого не могу найти, блин. Машина спокойно себе проехала. Мы кое-как собрались. Смеялись очень долго. С горем пополам дошли до моей квартиры. Проголодались жутко, решили поесть. Пожарили шашлык на сковороде. Черный начал какое-то блюдо готовить. Он, короче, все, что у нас было: сыр, какие-то остатки чего-то, колбасу, овощи – все это покидал на вторую сковородку и засыпал сыром, какими-то соусами залил, майонезами. И назвал это блюдо «Асимметруха». Мы достали все, что у нас было, нам же надо было закусывать – молодым организмам. Мы выпили, просидели до утра. Я помню прекрасно, у меня был магнитофон – кассетник «Весна». Черный

тогда очень любил группу «Чайф». У него была кассета с песней «Внеплановый концерт на кухне». И вот мы эту песню на кухне, пьяные все, распевали до утра...

Рассвело. И мне все-таки приспичило пойти на рыбалку. «Все, встаем и идем на рыбалку!» – «Да ты на нас посмотри, чувак! Какая рыбалка?!»

Но я все-таки вытащил их из дома. «Ладно, никуда не поедет, пойдемте к ближайшему морю, сядем там где-нибудь!» А ближайшее море – это северный район, там металлургический завод и море. Еще есть лодочная станция в Андреевской бухте. И там, у этой лодочной станции, мужики что-то ловят. Тарана какого-нибудь. И мы опять же пешком поперлись с удочками через весь город. Червяков потеряли. У нас в рюкзаке остается колбаса копченая и хлеб. Мы приходим, садимся. Пьяные-пьяные. Разматываем удочки. Червей нет. Я говорю: «А давайте на колбасу попробуем!» Я режу колбасу. Закидываем – не берет. Понимаем, что без червяков рыбалки не будет. Мы идем к мужикам. У нас осталось немного водки. Предлагаем бартер: «Мужики, давайте мы вам водки и колбасу, а вы нам червей?» Они, конечно, согласились, дали нам червей. Но у нас все равно ничего не получилось, рыба не клевала. Я, помню, бросил удочку, в лом было тащить ее обратно. Мы опять вернулись ко мне и легли спать. Вот так вот мы съездили на утренний клев.

А! Еще один раз я на рыбалку ходил. Я ведь очень люблю рыбалку. Меня трясет, когда я подхожу к воде... Я рано утром решил пойти на рыбалку. Взял с собой донки, резинку. Резинка – это груз, резинка и леска с крючками. Как действует эта хрень, да? Ты берешь за груз, накалываешь на крючки червяков. И просто зашвыриваешь подальше. Все. Груз падает, крючки все уходят в воду. И когда рыба клюет, ты просто тянешь за леску, резинка растягивается, ты вытаскиваешь рыбу, снимаешь с крючка, потом отпускаешь, и резинка снова оттягивает в воду всю эту конструкцию. Не надо все время забрасывать: просто вытащил, снял и отпустил. Короче, очень удобная вещь.

И я рано утром забегаю к Ивану (он по пути на море живет). Говорю: «Иван! Пойдем на рыбалку!» – «Чувак, какая рыбалка? Я сплю!» – «Ну и сиди дома, а я побежал!» И я прибегаю на рыбзавод, на стенку так называемую. Бетонные плиты в воде, уходящие вглубь. Они как бы очерчивают акваторию рыбзавода. Я прибегаю, а там сидят такие утренние сонные мужики. Посмотрели на парня, который так бодренько забежал. Мне же не терпится скорее забросить. Что я и делаю: быстро все разматываю, насаживаю червяков на эту конструкцию, размахиваюсь и забрасываю. И эта штука летит и... улетает в море. Я забыл все соединить. У меня все улетело: в руках остался кусок резинки.

Я стою и вижу: все, кабздец! Я постоял, пнул со злости банку с червями и пошел домой. Понимаешь, какая картина? Сидят мужики, а тут чувак радостный прибежал на море, зашвырнул удочку в воду, пнул банку и ушел. Они так посмотрели на меня: ну, нормально парень порыбачил!

Я захожу опять к Ивану, говорю: «Долбаная рыбалка! Дай мне какую-нибудь удочку!» Он такой сонный: «Что такое?» – «Да я свою, блин, выкинул!» Он мне потом рассказал: прибегает Рома такой радостный – пошли на рыбалку, убегает, прибегает через десять минут – дай удочку, я свою похерил. Рыбак, бля!

Вообще, в городе рыбалка была достаточно популярная вещь. Можно было сидеть на набережной возле яхт-клуба с удочкой и ловить бычка. Люди ходят по набережной, а ты сидишь и ловишь рыбу. Потом собрал удочку, пошел домой, накормил кошку. Смотря что наловишь. Маленькую рыбку, которую тяжело потрошить, можно и кошке скормить. Не могу похвастаться каким-то сказочным уловом. Есть такая рыба речная – сазан. Сазана как-то поймал на донку килограмма на полтора. Мы специально ездили на реку Миус, что впадает в Азовское море, и там ловили рыбу. На обычную удочку поплавочную я поймал рыбу под названием чехонь. Сколько сантиметров? Тридцать с копейками. Она такая вытянутая, тощая, но жирная. Когда ее солишь, прямо жир течет.

Драки

Потихоньку о группе «Асимметрия» стали узнавать в городе. Она уже «вышла» с чердака. Мы выступали на всяких самодеятельных концертах в связи с какими-то праздниками или политическими мероприятиями вроде выборов. Местный комитет по делам молодежи выделял какие-то средства. Их часть шла на организацию мероприятий, где играли местные группы.

Что играть, мы не знали, и как это делать – тоже. Я начал писать песни, когда из группы ушел Леша Черный. Не было у нас с ребятами никакой конкуренции! О чем ты говоришь! Была просто идея. Мечта. Играть вместе. Причем играли все, кто хочет. Не было такого – сесть, прислушаться друг к другу, чтобы как-то все зазвучало ритмичнее. Мы даже об этом тогда не думали. Мы просто играли, кто как умел и как хотел. Что-то из этого получалось. То есть лидером-то был я. Приносил песню, мы ее кое-как делали. Но я не мог отследить и понять многих музыкальных вещей. Кто на что был способен, тот так и играл. Вот и все.

Профессионализм как рос? В тех условиях он не очень как-то рос. Заниматься особым возможностей не было. В этой «Радуге» время было все расписано. Так что чаще мы тусили. Брели гитары и шли во Францию. В центре Таганрога был сквер, мы его называли Франция. Почему? Ну а ты-то как думаешь почему? Почему мы не называли его Собачеевка или Урюпинск? Потому что Франция – это прекрасно! Богема, шарм.

Там собирались неформалы – человек по пятьдесят. Бывало, по сто. А скверик очень маленький, открытый, с фонтанчиком. Там сходятся две главные улицы – Ленина и Греческая (раньше Интернациональная), где проститутки стоят. И на пересечении этих улиц – парк Горького, а с краю маленький скверик с фонтаном. Там все время было несколько гитар. Были всегда девчонки. Люди играли, пели песни. Ставили коробку для мелочи. Играли по очереди, менялись. Тусили, словом. На вырученные деньги брали вино и спускались к морю. Десять минут ходьбы. И там выпивали, терли, пели песни. Кто-то с кем-то крутил. Жгли костры. Утром расходились. Часто туда приезжала милиция и винтила народ.

Забирали в милицию часто. И с компанией, и по одному. Больше не по делу, а для отчетности. Писали заявление о хулиганстве и просто отпускали. Все для галочки. Много было историй, когда забирали в милицию. Посидим в отделении полчасика – и на свободу с чистой совестью. Мы что-то там подписывали типа «больше такого не повторится». И отпускали. По сути, ни за что, а формально – хулиганство. Нет, мы не дрались, просто громко матерились на улице. Составляли протокол, внизу него подписываешься – и на выход. Такая работа была у милиции. Меня там знали оч-ч-чень хорошо, не удивлялись новой встрече, здоровались даже. Один раз в колледж приходила бумага, но все как-то замялось. Что такого? Ничего плохого в этом нет. Если б я украл там...

Вот тебе пример. Шли мы как-то из театра, обсуждали спектакль «Эзоп»: как этот Эзоп поступил, в чем мораль и т. п. Вдруг подъезжает милицейская машина, нас забирают. За что? Сказали, что мы громко ругаемся матом. Нас забрали, отвезли в кутузку, в отделение, написали заявление, рассказали два очень пошлых анекдота и отпустили. Вот так.

Как раз после того случая нас вызвали с родителями в детскую комнату милиции в нашем районе. Меня и Ивана. Мы-то взрослые люди практически. Нам по шестнадцать-семнадцать лет было. Но все равно вызвали, чтобы родители заплатили административный штраф и чтобы им прочесть нотацию. И мы садимся в трамвай с мамами, сейчас типа начнется. Мама о чем-то друг с другом трещат. Приезжаем, заходим в кабинет. Там сидит тетюшка лет пятидесяти-шестидесяти, такая вся правильная, в очках. Мымра. Мы сидим вчетвером напротив нее, и она начинает читать мораль: «Вы знаете, алкоголизм... все дела... а кем они вырастут? Почему не следите за своими детьми? Сегодня они ругались матом, а завтра они станут преступниками! Нужно следить за воспитанием детей! Как не стыдно!»

Мы сидим, втыкаем. А напротив нас на стене висят разные агитационные плакаты типа «Мама, не пей!». И висит среди них один плакат здоровый: на черном фоне желтый цыпленок, а вместо лапок у него – два штопора. И что-то написано. Мы переглянулись с Иваном, и у нас началась истерика. Мы начинаем давиться – ведь нельзя же смеяться. А мамы все поняли, тоже сидят и сдерживают смех, их тоже давит слегка.

Мымра видит, что нам нехорошо, говорит: «Вам стыдно, ребята, да?» Ну и после этого мы, закрыв лица руками, мычим типа: «Да, да, нам так стыдно!» Она такая: «Выйдите, ребята!» Мы выбежали с диким хохотом на улицу, нам было стыдно туда возвращаться. Выходят мамы: «Что же вы делаете! Хоть бы дослушали до конца!» И мы заплатили какой-то там штраф и поехали по домам. Нет, мама не грузила меня. Мама хорошая...

Меня вообще мало воспитывали. Мама говорила: «Это плохо, сынок, а это хорошо. А так лучше не делать». Воспитание в основном проходило на улице. Всем же понятно, что такое дружба, что такое добро, что такое зло. У нас была хорошая компания, мы все прекрасно понимали. А ссать в мыльницу в сортире первого в Таганроге казино – это не зло. Это ребячество. Для того чтобы было весело. Для адреналина. Чтобы потом не выйти с ножом и кого-нибудь не порезать. Я прекрасно понимал, что это плохо, но единственное зло я причинил умывальнику. Это предмет неодушевленный. Убрать стул из-под друга – тоже не зло. Насыпать соседу в лимонад соли, перца и всякого говна – тоже не зло.

Бывало, в городе люди выходили с ножом, бывало. Время такое было. Ростов, все знают, криминальный город. А Таганрог был изначально милицейский город. Но разницы никакой – милиция все держит вместо банд. Вместо братков – одна большая крыша, которая называется милиция. Но даже при милиции все равно бывали случаи. Вспышки насилия. И все сразу знали, по городу говорили. Типа того порезали, этого. Но просто так тоже не резали. Задолжал кому-то. Не на ту бабу напал, не на того пацана нарвался, кого-то обидел. Повел себя некрасиво. Просто так не резали, только психи. Это было очень редко. В основном драки.

Самое главное, если не хочешь драться, нужно базарить. Шанс не драться есть всегда. Ну а если не выходит, дерись. Я обычно говорил: «А что случилось? Что мы сделали? Давайте отдубасим друг друга, и будут у вас синяки, у нас синяки, потом кто-то кого-то бутылкой». Они: «Ты че, бля, пугаешь? Войны хочешь?!» Обычно это подпитые люди, которые уже берегов не наблюдают. Обычно хоть один, но находится, до которого доходят слова: «Петя, на кой он тебе нужен? Идите, бля!»

Я, вообще-то, не был любителем подраться. Да и люди достаточно уважительно относились, с интересом. «О, ты на гитаре играешь!» – «Играю». – «Круто! А «белый снег – серый лед» сыграешь?» Обычные человеческие понятия. Музыканта трогать нельзя – тоже такое правило было. И оно действовало. Если ты сидишь с гитарой, тебя не тронут. Потому что ты поешь песни, вокруг тебя люди, они слушают, подпевают, радуются. Это какой-то авторитет. Если ты тронешь гитариста, то двадцать человек, которые сидели вокруг, скажут: «Ты не оборзел ли?» И тебя так отделают. Музыкант – это некий статус в обществе: тебя слушают двадцать человек. Эти двадцать человек могут за тебя постоять, даже если они не друзья твои. Поэтому гитариста никогда не будут трогать. И вообще, это позорно, он же держит внимание этих людей. Все равно что подойти к ним и по очереди плюнуть каждому в лицо. То же самое.

С ребятами из ПМК я не конфликтовал. Да я и не знал там никого. И знакомиться не хотел, у меня были свои друзья. Противостояние было между ребятами из разных районов. Мы в этом противостоянии старались не участвовать. Но когда приходится драться, надо драться.

Про драки тебе рассказать? Драка длится очень быстро. Это очень короткое мероприятие. Буквально один удар трубой или палкой, и все, финиш. На этом твоя драка заканчивается. «Ты дрался?» – «Дрался!» – «А что помнишь?» – «Помню один удар». Вот и вся драка. Жесткие были драки. В основном район на район. На дискотеках. Я представлял район центра. Я же года через два после возвращения в Таганрог осенью переехал в центр, на улицу Фрунзе.

На дискотеках? Нет, мы не играли. Там же совсем другой репертуар. Нас все это не очень привлекало. Есть в центре города место, называется «пятак» – огороженная площадка, залитая бетоном. Там сцена, на которой стоят колонки. Плюс какая-то простая светомузыка. И крутятся песни. Вход на «пятак» стоил рублей пять. Весь город съезжается вечером на дискотеку. Все танцуют на этом «пятаке». По краям стоят лавочки. Народ сидит, курит, что-то выпивает. Возле самого «пятака» на площади тусуются люди: встречаются, расходятся. Некоторые приезжают на дискотеку драться. Не танцевать приезжают, а реально драться. Ну да, типа того – мужики не танцуют. Они приезжают просто на разборки. Для начала драки нужен очень маленький повод. Если ты вдруг подойдешь к какой-то незнакомой девушке, начнешь общаться и вдруг окажется, что это девушка тех парней. А они в принципе и используют эту девушку как приманку, для того чтобы получить повод к драке. И начинается пиздиловка. Очень серьезная.

Мы попали только один раз. Совершенно случайно. Такая атмосфера! Я стою и понимаю, что никто не танцует. Все ждут, когда начнется. Они, конечно, танцуют, но практически на пределе, в ожидании. Все ожидают удара. И так озираются по сторонам – ничего еще не началось? Не, ничего, можно танцевать. И все ждут, откуда же в этот раз начнется волна. И начинается! Один на другого: «Ты откуда?» Подтягиваются друзья, постепенно человек двадцать-тридцать. Начинают бузить. Мочилово начинается – район на район. Потом с клетки всех выгоняют наружу. Эта толпа сама выходит, и там уже вступают зрители, ожидавшие начала. И тогда начинается очень большая пиздиловка. Дискотека пустеет, остаются девочки, какие-то парни непонятные. Девочки начинают визжать: «Перестаньте!» Некоторые девочки пытаются разнять, часть остается на танцполе. Драка большая длится полчаса, по-разному бывает. Потом потихонечку рассасывается, люди возвращаются на «пятак» и снова танцуют. Вот такая дискотека.

Дрались до крови. Бывало, разбивали головы. Менты никогда не вмешивались. Они просто в конце уже приходили, забирали несколько человек: кого отправляли в больницу, кого в отделение. Мочили друг друга серьезно: кастеты, цепи, трубы. Пару раз под раздачу попадал. Было дело. Просто когда несется такая волна, ничего ж непонятно. Получаешь свое, падаешь, встаешь – о, круто, подрался. А с кем дрался, не видно, не разберешь. Волна захлестывает. Идет толпа дерущаяся, кто-то кого-то зовет, к тебе подбегают: «А ты че сидишь, бя?! Получай!» И хрясь в пятакину! Я ходил на дискотеку не драться, танцевать. Там, конечно, не каждый день были драки, раз на раз не приходилось. Бывало, что и попадало.

Подо что танцевали? Под песни разные. Доктор Албан – помнишь такого чувака черного? «It's my life»? А позднее какой-то рейв пошел. Тун-тун-тун. Скутер... Попсы откровенной не было. Рядом же Ростов – город, который всегда отличался музыкальной культурой, столица электронной музыки. Оттуда много разных групп вышло.

Да я не особо помню, как на эти дискотеки народ одевался. Ну как? Парни – рубашечки всевозможные, белые, черные, с золотом воротничок стоечкой. Помнишь, на рынках продавались? Тут еще цепочка на воротнике. Или просто майки... треники, кроссовки. Попытались выглядеть «правильно». Обычные черные туфли, черные брюки, черная майка. Наряжались, в общем. А девочки тем более. Все, что было модно. Не то чтобы с шиком. Мини-юбки, кофты – побольше секса. Чтобы красиво.

Но чтобы попасть под раздачу, необязательно надо было идти на дискотеку. Бывало так: сидим в центре где-нибудь, на лавочке в парке или еще где. Подходят ребята. Типа сигаретку стрелнуть: «Привет, пацаны. А вы вобще откуда? С кого? Че делаете тут?» Сначала по-доброму. Мы говорим: «Да мы из центра, здесь живем недалеко». – «Ну, пойдем отойдем, поговорить надо...» И сразу понятно, что сейчас будет. Так спокойно говорят: «Пойдем поговорим». Все! Значит, нужно либо убегать, либо идти и драться. Но чаще пытались как-то замять. Когда начинаешь пытаться с человеком разговаривать, то можно найти каких-то общих знакомых,

Таганрог-то – город маленький, и в принципе все друг друга знают. Даже если ты с другого района, ты можешь назвать пару клочков с района, который против твоего. Клички дворовых авторитетов, достаточно взрослых людей, которые что-то там делают, машины воруют, например, хрен его знает. Так вот тогда есть шанс замять типа: «Брат, а ты знаешь Васю Кривого?» – «Все нормально, братан. Извини». Я с такими авторитетами не общался. У нас была своя дружная компания, тем более мы занимались музыкой, редко ходили на дискотеки, где основное мочилово и проистекало. Мы играли на гитарах и хотели заниматься музыкой. Мы, конечно, видели все, что происходит в городе. Но в этой криминальной волне не участвовали.

Но так было везде. Когда к Лехе в Мариуполь приезжал – тоже. Один раз я приехал к нему, и мы шли по району Ильича недалеко от его места. И там проходная металлургического завода и рядом кинотеатр с тиром. И мы туда часто ездили. Кто больше выбьет – вроде соревнования, прикольно. Не было такого раньше – выбьешь пять фигур и получишь игрушку. Не додумались тогда еще.

Мы с Лехой зашли выпить чуть-чуть в кафешку. А кафешка – пивнушка банальная на три столика. Заходит чувак, смотрит на нас долго, подходит: «Пойдемте, ребята, выйдем». Леха говорит: «Все, мы попали, короче, сейчас нас будут рубить. Бабло забирать...» Мы подходим к официантке, спрашиваем, есть ли черный ход. Нету. И мы понимаем, что нужно выходить. Мы посидели, что заказали, так и не выпили от нервов. Вышли. Там еще один стоял. Они взрослее нас были. Два пацана: «А чего вы у нас тут делаете?..» «Да вот сидим...» – говорим по-мирному. А они ни с того ни с сего: «А деньги?» – «Да у нас мало денег. Че скрывать-то? Мы, конечно, можем дать, но так чтобы не все. Сами понимаете...» То есть мы не нарывались. И тут один из них дает мне в лицо. Сильный удар в скулу. Такой «тыдыщщщ» с призвуком, что в кость бьется. Второй Лехе врезал. Деньги они так у нас и не взяли. Просто вломили слегонца и ушли.

Потом мы сидели с Лехой, выпивали. Он орал матом типа: «Я их найду, я приду с ребятами!». Прошло уже месяца три-четыре. И когда я в очередной раз приехал в Мариуполь, он меня встретил с автовокзала, говорит: «Ромка, я разобрался! Помнишь, к нам приходили? Я разобрался...» А он, короче, молодец, собрал своих ребят, вычислил этих чуваков – они все время там паслись и у пацанов, которые, видать, послабее и помоложе, отбирали деньги. Он их нашел, причем рядом с этим кафе практически. Приехал туда вместе с ребятами с Горького. Со взрослыми и большими. У него был пистолет газовый, баллончик. Леха практически один их «учил», а старшие стояли и смотрели. В общем, отомстил. То есть он не бросил все это дело, типа, ну, избili и избili. Нет! Он тех чуваков наказал жестко: они уже встать не могли, когда надо было срочно сваливать, потому что милиция приехала.

Настя

Все произошло очень быстро. Года полтора, не больше. В городе было несколько коллективов, которые были по местным меркам достаточно известны. Их знали, допустим, человек пятьсот. Была такая группа «Апогей», на тот момент самая известная в Таганроге. Ее знали даже в Ростове, где она периодически выступала. Много поклонников у них было, много девочек вокруг. И мы думали: «Да! Реально крутая группа!» Но проходит год, и мы становимся не то что конкурентами, мы становимся даже круче. Это было очень удивительно для меня.

Как-то после концерта мы с ребятами идем на пляж и слышим, как две чуть поодаль идущие девушки болтают: «А я знаю Рому Белого!» – «Круто!» – «Да, он такой...» А чуть ли не в метре от них идем. И я слышу их разговор, смотрю на эту девочку и понимаю, что в первый раз в жизни ее вижу. А ведь город Таганрог настолько маленький, что почти все друг друга знают. И девушек, которые знают меня, я уж точно знаю. И мне было очень приятно! Я подумал, вот он – миг настоящей славы! Про меня уже байки по городу расходятся.

В общем, действительно, парни для этого и играют на гитарах – чтобы девчонкам нравиться. А зачем играл я... Я тогда не задумывался. Просто писались песни, просто хотелось петь, выступать на сцене. Я не хотел, выйдя на сцену, завоевывать девушек, которые сидят в зале. Потому что и без этого уже круто. Что бы ты ни пел, это уже круто. Я пел, во что-то верил, непонятное даже мне самому. Но во что-то верил! В дух какой-то. В песни. О чем песня, сам даже не понимал. Мне было круто их петь, они что-то несли. Было несколько групп, и вот они все соревновались. Кто как. Кто громче зарычит, кто круче, техничнее сыграет. Или у кого, наоборот, смешнее. Все выпендривались, показывали себя с разных сторон. А я пел песни.

И все это время ко мне приезжал мой друг Леха. Он очень обижался на меня, когда я из Мариуполя уехал. Я часто приезжал к нему, а он ко мне, в Таганрог. Помню, поехал к нему Новый год встречать. Говорю маме:

– Я к Лехе, в Мариуполь.

– Будь там аккуратней!

Она же видела меня с Лехой много раз. И знает его замечательно. И Лехина мама знает меня прекрасно. Знают они, что эти два человека – неразлейвода.

– Надолго?

– На два дня. На три – максимум.

Отметили мы Новый год в Мариуполе и так увлеклись, что я вернулся домой только через восемь дней. Мы с ним жестко тогда бухали. Причем денег у нас не было. А день начинался с того, что мы просыпались в двенадцать, выпивали с ним бутылку водки на двоих под лимончик и приходили в норму. Это был у меня первый и последний запой в жизни. Когда я пил восемь дней подряд и очень жестко. У меня больше такого не было. Организм больше не позволил такого – перепил по молодости.

Леха часто приезжал, следил за всем, что у меня происходит. Даже на некоторых концертах в Таганроге он мне подыгрывал на трубе, он же профессиональный музыкант. Кстати, эта песня, которую мы тогда играли, будет на третьем альбоме. Чуть-чуть текст видоизменен, но песня та самая. Леха приезжал и грустил: «Круто, у тебя музыка!» А я ему: «Леха, ну какая музыка, тут болото, никакого выхода. Ничего больше». – «Да у меня в Мариуполе вообще ничего нет, меня никто не понимает. Мы сидим с гитарами, пытаемся группу сделать, но ничего не получается». А он в таком заводском районе тогда жил. Мариуполь – город работающий. Там в основном работяги. Культуры, такой, как в Таганроге, нет. Богемы, которая ленится и ничего не делает, тоже нет. Ему очень нравилось в Таганроге. Он говорил: «У вас тут круто. Друзья хорошие. Цивильно. Вроде выпивают, но при этом песни поют...» В общем, он очень грустил.

Он там остался, в том районе, а я тут в Таганроге чем-то занимаюсь. Ему казалось, что у меня тут круто. Но я понимал, что это тоже не круто. Ненамного лучше.

По городу наши записи практически не ходили. У нас были записи, но не студийные, а с концертов. У одного известного в городе музыканта был бобинный магнитофон «Ростов». И он как-то с пульта на концерте записал выступление всех групп, в том числе и нашей. И вот по вечерам мы слушали. Приходили к нему в гости, себе переписывали.

Кое-как по нашим поклонникам разошлось, но проще было прийти и вживую послушать те же самые песни. Кроме этой плохой записи с концерта, ничего не было. Группа «Апогей» однажды ездила записываться в Ростов на какую-то частную студию. И у них был вроде как свой альбом. А у нас не было. Завидно немного было. У них как-то все чистенько... Мы пробовали записаться сами, забивали электронные барабаны на машинке, живых не было. Было два микрофона «Электроника» с шапочкой...

Многие музыканты Таганрога, многие творческие люди работали сторожами в школах, в каких-то конторах. И по вечерам в этих школах, которые они сторожили, народ играл на гитарах, пел. Был в городе такой парень – Дима Селегин, музыкант. Он тоже был сторожем в школе. И у него там собиралась вся эта так называемая таганрожская музыкальная элита, начиная с людей тридцатилетних и заканчивая нами, семнадцатилетними пацанами. Конечно, все всё друг про друга знали, кто какие песни поет, что играет.

Иван одно время тоже сторожем работал. Нет, не в детском садике – в женской консультации! Изредка по вечерам мы собирались у него на работе, до утра выпивали, играли на гитарах там в холле. Читали всевозможную литературу медицинскую, спускались в подвал, смотрели женские заспиртованные органы. Ну да, не очень приятно, конечно, было, но очень интересно. Практически изучили всю женскую анатомию. Ну тебя! Не то что помогало... все равно прикольно. Было же интересно, как это все устроено. И что где находится. И откуда дети появляются. Мы там прикалывались. Наряжались в белые халаты. Очень смешной был случай. Просто отменнейший! Мы как-то сильно выпили и заснули, так получилось. Вот мы спали в кабинете у какой-то старшей медсестры. Небольшой такой кабинет был. А когда поутру проснулись, консультация уже работала. Иван меня будит: «Рома, вставай! Нам кабздец!»

Тут мама его заходит: «Вы че тут лежите, быстро уходите!» Обычно мы без проблем оттуда сливались утром. Но в тот раз консультация-то уже работала, народ уже сидит в коридорах! Я говорю:

– Как будем уходить?

– Надо надеть халаты, типа мы работаем здесь – аспиранты или еще кто!

– Давай!

Мы надеваем халаты, которые нашли в кабинете. Выходим. А от нас перегар – просто нереальный! Молодые парни в женской консультации, блин! Мы выходим, какая-то женщина подходит и говорит:

– А Мария Ивановна уже принимает?

А Иван такой:

– Ее еще нет.

– А вы мне не подскажете, как ее найти?

Смотрю, Иван задумался, говорю:

– Пройдите в регистратуру!

Вот так. Не, слава богу, до консультирования пациенток не дошло! Она еще что-то там стала выпрашивать, я говорю: «Это в регистратуру!» И мы потихонечку, потихонечку, по стеночке выходим на улицу и бежим в этих халатах к Ивану домой переодеваться. Было очень смешно, ржали очень долго. Мы пытались сделать умные лица, когда выходили из консультации, но как-то не очень у нас получалось...

Плюс в этой музыкально-артистической среде вращались еще разные девочки. Тогда так было: в эту тусу приходили девочки, которые учатся в педлицее, педучилище или институте. Они любили поэзию, музыкантов, художников. И все время были проблемы у пацанов, потому что они на девушек западали, а те нередко переходили от одного к другому. Такие тусовые телки. Эти девушки сильно отличались от тех амазонок из училища. Они слушали, были достаточно умного вида. Типа интеллигентные. Нормальные девчонки. Но они были такие музы, принцессы. И при этом могли пить из горла. Муза, которая пьет из горла, – что еще нужно музыканту для счастья? Красивая девчонка и понимает тебя по-пацански. Еще и песни слушает твои. С одной такой у меня потом был роман.

Настя... Настя... Она была тусовщицей. Музой. Она была очень нежной. Пользовалась благородной, как мне тогда казалось, репутацией, не блядь то есть. Очень красивая. Очень добрая. Очень позитивная. Хиппи. Хипповая герла. Была вся в косичках. Она мне очень понравилась своим поведением, своей легкостью. Такая кошка добрая была...

Я помню, мы лежали в траве за зданием редакции газеты «Таганрожская правда», на лугу. Там еще был такой скос к морю. Мы легли на траву и начали целоваться. И я просто обалдел. Вот... Сразу влюбился безумно.

Мы гуляли, я часто приводил ее домой. Говорю: «Мам, это Настя!» А с Настей еще ее ребенок, мальчик маленький. Мама в шоке, глаза на лоб: «Господи! Рома, что ты делаешь?!» Ну, как обычно... Настя была не намного старше меня, ей было года двадцать два – двадцать три. В принципе можно сказать, что первый сексуальный опыт – взрослый, который я прекрасно помню, все ощущения, все эмоции – был с ней.

Она была очень красивая. Худенькая. Загорелая. Она носила сарафаны. Вся была в бусах, в фенечках из бисера. Волосы темные, выжженные слегка. Лицом похожа на модель, которая играла в «Последнем герое», взрослая баба. Гомес, да? Только у Насти лицо было слегка более вытянутое и очень доброе. Она на кошку была похожа. Очень романтическая девочка. Все время мурлыкала. Фыррррр, фыррррррррр – вот так вот делала на ушко. Все время улыбалась. Выгибалась... кошка!

Она меня наряжала в бусы. У меня были длинные волосы, и она заплетала мне косы. Фенечки, бусы дарила. Настоящая хипповая девочка на полном позитиве. То есть вся в облаках. Мне это так нравилось. Безумно. Такая была у меня девушка...

Мы гуляли, ходили босиком по городу. Дети цветов – это так называется. Два долбоеба. Тогда я не думал, что это долбоебизм. Да мне и сейчас нравится. Можно и по Москве походить, но... Не то, что тогда, вера какая-то была. Просто проблем не было ни с чем. Больших проблем. Ну и что, что босиком? Меня не волнует. Мне нравится, и все тут. Я не задумывался, плохо это или хорошо. Да у нас и теплее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.